

Оленева Екатерина

Там, на неведомых
дорожках

Екатерина Оленева

Там, на неведомых дорожках

«Автор»

2024

Оленева Е.

Там, на неведомых дорожках / Е. Оленева — «Автор», 2024

Семья Власовых на майские выходные приезжает в глухую провинцию – в родовое гнездо, что перешло им по наследству. Их сын, Иван, столичный избалованный красавец, знакомится с местной девушкой, Василисой. Молодые люди приходятся друг другу дальней роднёй. Схожий темперамент и общие интересы помогают им сблизиться. Василиса увлекается историей. Она утверждает, что род Власовых проклят, а в родовом особняке живёт нечистая сила. Иван хотел бы посмеяться над наивной провинциалкой, да вот только мистические события заставляют его поверить в то, что предания, сказки и суеверия рождаются не на пустом месте.

© Оленева Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Дом в наследство	5
Глава 2. Новая знакомая	10
Глава 3. Подвал	18
Глава 4. Сон	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Оленева

Там, на неведомых дорожках

Глава 1. Дом в наследство

Месяц май молод, прекрасен, капризен. Казалось бы, ведь только что светило солнце? Но вот уже хмурится небо и пропали солнечные зайчики. Только что небеса были яснее детского взгляда? Да вот отяжелели свинцовыми тучами и мир накрыло скучной тенью.

Пропала «дивная пора, очей очарованье».

Планы Ивана тоже пропали. Они с Данилой и Кириллом собирались пойти на вписку по поводу Динкиной Днюхи. Там Иван надеялся замутить с Марго – самой популярной девушкой на потоке. Уже месяц, как он положил на неё глаз. Черноглазая модная красавица, судя по всему, тоже была не против весело провести с ним время.

Но тут – облом! Проклятое наследство то ли двоюродной, то ли троюродной бабки.

И вот, вместо того, чтобы весело тусить с друзьями, он едет к чёрту на кулички: «в соседнее село, на дискотеку». Всё потому, что в корень очумевшие предки решили потратить уик-энд на то, чтобы проинспектировать полученное имущество.

Вот почему бы неизвестной тётушке, покрытой пылью веков и нафталином прожитых лет, не скончаться попозже? После Динкиной вписки? Но – нет!

Мамап что-то лепетала про фамильный особняк.

Имущество было построено первопредком при царе-Горохе. С тех пор эта «прелесть» передавалась в наследство старшему сыну по мужской линии. И вот «счастье» до них докатилось! Видимо, иные счастливые «наследники короны» все рипнулись. Теперь у Ивана такой вот зашквар – вместо классных, выходных намечается полная «шляпа».

Ладно бы, ехали сами? Так родоки наотрез отказались оставлять Ивана в Москве одного! Кринж.

– Что я, по-вашему, в том медвежьем углу забыл? Чего вы ко мне пристали со своими «корнями»? – попытался он отвертеться. – Я и один побыть могу. Не маленький.

Но отец был непреклонен:

– В прошлый раз, когда ты, «не-маленький», побыл один, я с трудом соседей утихомирил. Второй раз так рисковать не стоит. Поедешь с нами. И без возражений.

– По-моему, отличный повод отдохнуть на лоне природы, – постаралась проявить дипломатию мать.

Иван с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. «Лоно природы», – подумать только? Ему-то мерещилось совсем другое «лоно». Природное как-то пока без надобности.

– Там очень живописные места, – продолжала она мечтательно распинаться. – А какой воздух! Неужели тебе самому Москва не надоела, Вань?

– Не надоела, – мрачно рыкнул он. – А вот в вашей деревне я точно умру со скуки. Чего там делать-то? Да ещё почти целую неделю?

Ещё повезёт, если в Мухосиженске хотя бы интернет нормальный.

Иван дулся и глядел в окно, пока дорога ровной лентой ложилась под колёса.

Поля, кое-где уже успевшие покрыться лёгкой зеленью, кое-где ещё чёрные, бежали по бокам, разделённые берёзовыми рощами. Потом их сменили холмы.

Дорога то тянулась на подъём, то катилась вниз горочкой, пока они не нырнули в тоннель вечно зелёных высоких сосен. Мрачные, вековые, ворчливые, деревья встали по обеим сторонам дороги. Между частыми стволами тянулись костлявые руки кустарников.

Иван попытался войти в мессенджер, чтобы пообщаться с друзьями. Связи ожидаемо не было.

- Просто чудесно! – в сердцах рыкнул он.
- Что такое? – обернулась с переднего сидения мать.
- Обострение телефонного голодания!
- Не трагедия, – осадил Ивана отец.
- Ну, тут кому – как.

Посёлок выглядел живописно. Располагался он на самом краю леса. Вполне современный. Пруд в центре и небольшая речушка делили населённый пункт пополам.

Но были и свои странности. Например, в центре городишки стоял небольшой, старинный деревенский храм, а вокруг него раскинулось ухоженное, окружённое кустами сирени, кладбище.

Диковатая планировка. Некрополи по центру, домики по краям. Но ешь, как говорится, что дают.

Вокруг «исторического» центра были и объекты повеселей. «Народный музей», например. Здание из розового кирпича, построенного ещё в СССР, было выполнено в советской архитектурной традиции. Большие, до сих пор деревянные, окна выстроились в два этажа. К парадному крыльцу вели выщербленные ступеньки. С одной из стен что-то патриотическое провозглашал баннер.

В прямоугольных длинных клумбах перед ДК пока ещё не было цветов – чернела свежескопанная земля. Между двумя клумбами высился монумент с советским солдатом. У ног каменного воина ютились свежие траурные венки и успевшие пожухнуть гвоздики.

- Весёлое местечко, – тоскливо присвистнул Иван, – что и говорить.

Между деревьями вновь мелькали кресты и обелиски.

- У них тут с кладбищенской атрибутикой не перебор ли?

– Тут во время второй мировой раньше станция железнодорожная была, – пояснила мать. – Может и сейчас есть, не знаю. Ну, так рядом с ней организовали лагерь для военнопленных. За колючей проволокой кого только не держали: чехи, румыны, поляки, итальянцы и, конечно, немцы. Лагерь действовал до 46-го.

- А с крестами это как связано?

– Лагерь для военнопленных – не курорт, Вань, – назидательно сообщил отец. – Мёрли тут наши «западные партнёры» как мухи. Зимы в наших краях суровые, а с центральным отоплением, как всегда, напряжёнка.

- Смешно – скривился Иван, отворачиваясь к окну.

Чтобы упереться взглядом в ещё одну мемориальную доску: «*В память о погибших военнопленных*».

Снова памятник. На сей раз – малая архитектурная форма.

Из лесных массивов выступали то ли лоси, то ли олени. Иван плохо в фауне разбирался. За каменными оленями, чуть поодаль, притаился деревянный волк – шедевр местного прикладного творчества.

Дома в посёлке были разными. От избышек советской постройки, щеголяющих деревянной обивкой, почему-то крашенной в зелёный цвет, до вполне современных, добротных особняков. Дома огораживали современные заборы. Высокие, со столбиками.

«Интернет тут точно есть», – успокаиваясь, подумал Иван.

А потом они увидели Власовский особняк. Стоял он на улице Власовой. И виден был как на ладони.

Иван почувствовала, как у него едва не отвисла челюсть.

- Это наше?.. – присвистнул он.

- Представь себе, – с гордостью подбоченился отец.

Перед ними была самая настоящая старинная усадьба.

– Это точно наше? – недоверчиво протянул Иван. – Вы ничего не напутали? Да как мы его содержать-то будем? Мы *такое* не потянем! Да сколько же тут комнат?

– Согласно старинному плану – четырнадцать, – весело ответила мать. – Но мне из детства помнится, что их всё-таки было намного меньше.

Дом длинный. На вскидку, на глаз – не меньше двадцати пяти метров. И высотой примерно столько же. Двухэтажный. Построенный по старозаветному типу: то есть, первый этаж каменный, второй – деревянный. С деревянными пилястрами. Крыша – четырёхскатная.

Позади дома шумел листвой старый сад с фруктовыми деревьями. Были и какие-то надворные постройки.

Рука Ивана невольно потянулась к мобильнику, чтобы сделать несколько снимков. Картинка получалась живописная.

Из дома вышел улыбчивый мужчина. Очки без оправы придавали интеллигентности его близорукому лицу.

– Макс! – всплеснула руками мама. – Сто лет не виделись! Сережа, – обернулась она к мужу. – Это мою троюродный брат, Макс. Ты помнишь?..

– Конечно, помню. Мы же на свадьбе виделись.

Мужчины доброжелательно пожали друг другу руки.

– Какой приятный сюрприз, – сказал отец. – Мы с Олей не ожидали никого в доме увидеть.

– Я в семье нечто вроде семейного юриста.

Движение, которым Макс поправил очки на переносице, отчего-то показался Ивану нервным.

– И душерпиказчика, по совместительству. Вы ведь в здешних краях сто лет не были? Вот и подумал, что гид вам не помешает.

– Сто? Да нет! Всего лишь двадцать, – засмеялась мама счастливыми смехом.

Такой Иван слышал у неё не часто.

– Так приятно вновь быть здесь! Будто в прошлое вернулась! Всё кажется прежним. И в то же время – всё так изменилось.

– Тётя Вера провела в доме большую реконструкцию. В последнее время она неплохо зарабатывала. И все деньги вкладывала в особняк. Он стал чем-то вроде её любимого детища. Иных-то у неё, ты знаешь, не было. Так что особнячок выглядит теперь почти как новенький. Картинка!

– Картинка, – кивая, согласился довольный отец.

– А это ваш сын? – улыбнулся Макс, взглянув на парня.

– Иван, подойди, – позвала мама. – Познакомься, это твой дядя Макс. Наши с ним родители были двоюродными братом и сестрой.

– Здравствуйте, – вежливо кивнул Иван.

– Как быстро время бежит! Да, Оль? – вздохнул Макс, глядя на Ивана. – Казалось бы, ведь ещё вчера это нам с тобой было по шестнадцать?

– Мне уже семнадцать, – заявил Иван.

– Последний год в школе? Уже решил, куда будешь дальше поступать?

– Ещё есть время окончательно определиться.

Все так много улыбались, что оставалось лишь удивляться, как скулы ещё ни у кого не треснули.

– Пойдёмте внутрь, – предложил дядя Макс, – покажу вам дом. Тётя Вера была дамой интеллигентной. Любила книги, искусство. Дизайн в последние годы сделался её страстью. Она тут всё и перестроила. Внутри не осталось и следа от бывшей планировки. Это особняк снаружи выглядит как почтенный старичок, внутри же он вполне современный.

Троюродный дядюшка не преувеличивал.

– Бедняжка, – вздохнула мама, оглядываясь. – Столько лет посвятила ремонту, а пожить здесь не успела, Какие здесь высокие потолки! В моём детстве здесь было всё по-другому, – задумчиво закончила она.

– Реконструкцию провели с усилением межэтажных перекрытий, – похвастался дядя. – Четырёхметровые потолки позволили устроить антресоли. Лестницу, правда, пришлось перенести. Теперь она размещается вон там, у стены.

– Вижу, – кивнула мама.

– А в пространстве основного этажа обустроили проходную кухню-гостиную, две спальни и санузел.

Иван остановился на пороге, с любопытством обозревая комнату. Дизайнерам и впрямь удалось не нарушить хрупкую историческую атмосферу. Пять огромных окон, занимающих собой всё пространство, от пола до потолка, высотой почти в три метра, декорировали классическими драпировками. Мягкий свет подчёркивал глубокую гамму интерьера.

– Я помню этот сервант! – сентиментально воскликнула мама.

– Он старинный, – резюмировал он.

– Да, старая школа, – согласился дядя.

Отец постучал пальцем по серванту и вдумчиво изрёк:

– Дубовый?

– Выглядит, как новенький! – продолжала восхищаться мать.

– Как видишь, его покрыли чёрным лаком, а внутренние стенки выкрасили в красный.

По-моему, он просто отлично вписался в новый интерьер, – расхваливал дядя Макс.

– Да. Превосходно, – продолжала соглашаться мама.

Они прошли на кухню. Та располагалась в общей зоне с гостиной. Линия с рабочей поверхностью и встроенной техникой огибала весь периметр и заканчивалась небольшой стойкой для завтраков. Торцы кухни скрывались за книжными полками, обращёнными к гостиной-столовой.

Обе спальни были выполнены в светлых тонах, что расширяло и без того немаленькое пространство. Тёплые бежевые и акцентные синие оттенки делали комнаты наряднее и уютнее.

– Это, молодой человек, понимаю, будет ваша комната? Тут целый мебельный комплекс: кровать-чердак, комплекс из антресоли, рабочая зона.

Иван комната не особо понравилась. Была она какая-то... холодная. Может, из-за цветовой гаммы? Сама по себе, новая спальня имела форму узкого чулка, завершающегося оконной нишей.

Интересно, насколько тёмным всё тут было до ремонта?

– А здесь – ванная!

Макс напомнил Ивану риелтора. Из тех, кому кровь из носа как нужно сбавить объект клиенту.

Странный тип – этот родственник.

Узкую спальню от ванной комнаты отделяла лишь тяжёлая драпировка.

Вся обстановка была какая-то девчачья: ванная на ножках, большая картина с абстрактным цветком...

Впрочем, ничего удивительного. Тётя Вера ведь не дядя. Потому тут всё такое девачковое. Даже после шестидесяти женщина всё равно остаётся женщиной и имеет разные с мужчиной вкусовые предпочтения.

На втором этаже было ещё три большие спальни и санузел.

Ни о каких четырнадцати комнатах в доме речи не шло. Если когда-то они и существовали, то теперь растворились среди прожитых лет.

Признаться, всё и без того было неплохо. Иван-то предполагал, что родовое гнездо Власовых представляет собой затрёпанную халупу. Ожидал он всего самого плохого: захудалой деревушки, глухого места, дома, подальше от дороги.

Бывает наследство такого рода, которое и не продашь, и не наездишься. Вот нечто подобного Иван и ожидал. Но всё было далеко не так плохо. Реальность превзошла ожидания.

Посёлок оказался расположен всего в пятидесяти километрах от города и был куда оживлённее, чем Иван думал. Жителей на улице хватало. В том числе – и молодёжи. А вокруг – лес, луга и озёра. Федеральная трасса, опять же, близко. Дороги между домами асфальтированы.

Мобильник ожил в руке, заголосив. Нажав кнопку вызова, Иван услышал с другого конца связи жизнерадостный голос Кирилла:

– Привет, пилигрим! Как ты? До места ещё не добрались?

– Добрались.

– Ну, и какие нынче погоды в Мухосранске?

– Не поверишь – солнечно, – фыркнул Иван.

– Ух, ты! Нет, реально? Как тебе клоповничек?

– После дезинфекции жить можно.

– Да, ну?..

– Ты уже у Динки? – поспешил Иван сменить тему разговора.

– Ну, да.

– Марго пришла?

– Нет. Но придёт.

– Привет ей передавай.

– Какой?

– Большой и горячий, – засмеялся Иван. – Ты, чмошник! Оторвись за нас обоих!

– Обещаю. А ты не помри со скуки.

– Договорились.

– Ладно, бывай. Звякну ещё.

– Чмоки-чмоки, – хмыкнул Иван, дождавшись коротких гудков.

Забравшись с ногами на широкий подоконник, занял позицию, с которой мог одновременно и держать под наблюдением входную дверь, и глазеть через окно вниз.

Вытащив из кармана вэйп, с наслаждением запарил, несколько раз глубоко затянувшись. Электронка была новенькая. От глубокой затяжки она тихонько щёлкала. А в носу щекотало от ароматной никотиновой соли.

Взгляд машинально скользил по саду. Вид, открывающийся из окна, был своеобразный. Сад был большим и не слишком-то ухоженным. Деревья старые. Должно быть позже, когда лето вступит в свои права, придётся им поработать, борясь с поднимающимися сорняками. Пора разоряться на косилку. Иначе придётся пробираться по двору сквозь дикие заросли.

Но сейчас трава была юной, хрупкой. Вишни и яблони покрылись белыми цветами, напоминающая невест на выданье. Красиво.

В их тени Иван заметил садовые качели. А на них – хорошенькую девушку.

Незнакомка была худенькой и хрупкой. И издали чем-то напомнила ему Натали Портман в её лучшие годы.

Настроение у Ивана сразу поднялось. Марго-то от него никуда не денется. А длинный майский уик-энд, возможно, будет совсем не таким скучным, как он боялся.

Глава 2. Новая знакомая

Девушка плавно покачивалась на качелях. Вблизи она выглядела такой же симпатичной, как и издалека. Не такой уж частый случай.

Кожа у неё была ровная, светлая, тонкая – как дорогой фарфор, который мама продолжает держать под стеклом столько лет, сколько Иван себя помнил. Вместо того, чтобы наслаждаться красивой вещицей здесь и сейчас. Волосы мягкими даже на вид. И ресницы, опущенные вниз, потому что девушка смотрела в смартфон, выглядели длинными, как у куклы.

– Привет, – поздоровался Иван.

Девушка испуганно вздрогнула, как вздрагиваешь каждый раз, если тебя неожиданно кликают в тот момент, когда ты думаешь, что один.

– Меня зовут Иван. И я теперь тут, в этом доме, вроде как хозяин. Можно узнать, кто ты такая? Я не против красивых девушек в своём саду, но, раз уж ты здесь, почему бы нам не познакомиться?

Девушка глядела на Ивана серьёзно и внимательно. Оценивающе. Без тени улыбки.

– Я Василиса. Тоже Власова. Мы родственники. Это мой отец сейчас твоим родителям дом показывает. А я вот сижу, жду.

– А что так?.. Почему не пришла с нами познакомиться?

Василиса пожалала плечами и Ивану показалась, что наушники, которые она за несколько минут извлекла из ушей, вернутся на место, и на этом разговор завершится, но девушка подвинулась, уступая ему место на качелях рядом с собой.

Она продолжала внимательно смотреть на него. Глаза у неё были шоколадного оттенка. Причём шоколад не твёрдо-горький, а мягкий, молочный, сладкий. Обволакивающий.

– Я, вроде как, задал вопрос?

– Почему не пришла знакомиться? – повторила она за ним эхом. – Папа решил, что так будет лучше. Он мне не очень доверяет. Боится, что стану болтать и наговорю лишнего.

– Например? – удивлённо приподнял брови Иван.

– Возьму и скажу, что не нужно вам в этот дом переезжать.

– Почему?

Взгляд девушки сделался таким острым, будто пытался сквозь его черепушки прочесть мысли Ивана. Она, вроде как, силилась прочесть его, будто книгу.

– Большинство местных считают это место проклятым.

– Да-а? – протянул Иван. – Правда, что ли? Дальше – что? Скажешь, мол, я и не ожидала, что ты поверишь, но всё так и есть?

Он взялся рукой за поручень, останавливая качели, не давая Василисе раскачиваться дальше:

– Может быть, лучше познакомимся поближе без разговоров обо всякой ерунде?

– Почему ты думаешь, что я говорю ерунду?

– Потому, что я большой мальчик и давно не верю в страшные сказки.

Василиса хмыкнула:

– Так многие большие мальчики говорят. Пока на улице светло. А ещё они в бога не верят – до поры, до времени. Но приходит ночь. Или война. Или смертельная болезнь. Рядом со смертью атеистов нет.

– Тебе кто-нибудь уже говорил, что ты странная девушка?

– Нет. Я обычно такие вещи незнакомцем не говорю. А ответ они не называют меня странной.

– А со мной что – так?

Василиса снова смерила его взглядом:

– С тобой мы родственники. И вам пытаются подсунуть гнилой дар. Я, как человек совестливый, пытаюсь предупредить.

– С какой целью? – деловито поинтересовался Иван.

– Что? – нахмурилась Василиса.

– Ну – цель-то какая? Допускаешь мысль, что мы все дружно испугаемся и решим подарить дом вам?

– Если бы мы хотели завладеть домом, достаточно было просто вовремя не информировать вас. Через полгода, если наследники не обращаются за наследством, права на него теряются.

– Возможно. Ну, тогда какие планы?

– Убережь. У дома плохая история. Большинство местных жителей после захода солнца даже в сад не за какие деньги не зайдут. А вы собираетесь тут жить.

– Ну, жить-то – точно нет. Может, будем набегать время от времени, наездами. Отличное местечко для дачи. Как думаешь?

– Мрачновато, как по мне.

– Да, ладно. Но, предположим, я бы доверил тебе определять дальнейшую судьбу этого дома. Чтобы ты посоветовала? Продать? Но тогда кто-нибудь другой эту прелесть купит. А она – с «икрой». Не хорошо получается?

– Просто заколотить тут всё. И ночевать не оставаться не при каких обстоятельствах.

– Ты сама-то в доме ночевала?

– Да. Ночевала. Приходилось несколько раз, когда тётя Вероника приезжала.

– Что – видела призраков? – насмехаясь, поинтересовался Иван.

Девушка вытянула ноги, скрестив их в изящных лодыжках. И руки на груди тоже переплела.

– Не видела. Но слышала.

– В большом доме, Василиса, – Иван мягко толкнул качели, заставляя закачаться, – много чего увидеть много.

– Не стану тебе ничего доказывать, Иван. Вы надолго планируете в наших краях задержаться?

– Изначально я очень надеялся на то, что нет. Но теперь, пожалуй, не против провести здесь уик-энд. Правда, при одном условии.

Василиса вопросительно изогнула бровь.

– При условии, что одна симпатичная родственница согласится дать мне парочку уроков истории. Что-то мне подсказывает, что ты хорошо разбираешься в семейных хрониках? Дашь парочку уроков? Я задержусь.

– Ты невнимательно меня слушаю, кузен. Я как раз совсем не хочу, чтобы ты задерживался.

– Обидно. Я-то надеялся тебе понравится, кузина. Ты мне, например – да.

Василиса насмешливо фыркнула. А через мгновение опять посмотрела на него этим своим вопрошающе-изучающе-серьёзным взглядом.

– Как раз потому, что ты мне понравился, я и хочу, чтобы ты уехал. Когда я говорю, что дом проклят – я не шучу.

– Дом? Или род Власовых?

– Ну, не знаю, – пожала плечами Василиса. – В нашей семье люди, в среднем, умирают не чаще других. И не страшнее.

– Но ведь умирают?

– Так ведь смерть – часть жизни. Куда же без этого. Но если кто-то задерживается в доме слишком долго. Или остаётся в нём один?.. Кстати, тётя Вероника единственный раз ночевала в доме в одиночестве. И эту ночь она не перенесла.

– И ты считаешь, что её убили призраки?

Иван не считал нужным сдерживать сарказм.

– Да. Считаю.

– Сколько лет было тётке Вероники?

– Шестьдесят шесть.

– Могла бы пожить.

– И я так думаю.

– Но могла и скончаться. Естественным образом. Там, по лестнице подняться слишком быстро? Получить волнующую новость? Тромб, опять-таки, мог оторваться.

– Люди говорили, что слышали из особняка крики. Жуткие. Вызвали милицию. Пока подъехали, пока дверь вскрыли... тётку нашли в подвале. На полу. С ножом в руке. Будто она пыталась от кого-то отбиться. На лице её застыла гримаса ужаса.

– Я обязательно приглашу тебя вместе праздновать Хэллоуин. У тебя классно получается рассказывать страшные истории. Приедешь?

– Я не веселю чужих людей рассказами о тех, кто мне дорог. Для тебя тётка Вера была незнакомым человеком.

– Ну, как бы – да. Я даже не видел её ни разу.

– А я её любила.

Иван не отличался сентиментальностью. Но при мысли о том, что девушку действительно могла ранить тяжёлая смерть тётки, решил не развивать тему дальше.

– Прости. Конечно мы оставим эту историю внутри семьи. Но зачем призракам, если допустить, что они действительно живут в доме, убивать его хозяев? Какой им с того прок? Кстати, а кого ещё, гипотетически, они прикончили – помимо тётки Веры.

– Твоего дедушку. Твоя мама тебе не рассказывала?

– Нет.

– От чего он умер?

– От сердечного приступа.

– Вот видишь!

– Ничего не вижу. Мы же одна семья. У нас общие генетические проблемы. У всех слабая сердечно-сосудистая система. Так чему удивляться, что у некоторых именно остановка сердца – причина смерти?

– Твоей дедушка был моложе тётки Веры. Ему, когда он умер, и тридцати пяти не было. Он ночевал в доме один, так как хотел подготовить его к семейному празднику. Его тоже нашли в роковом подвале. О той истории говорили шёпотом. И после того случая семья перестала собираться вместе.

– Зря. Ладно, дом подкачал. Но общаться-то можно было по-прежнему. Что не поделили-то?

– Никто не хотел владеть домом.

– Ладно. Почему он проклят-то?

Василиса зябко повела хрупкими, худенькими плечами. Облако нависло прямо над их домом, погружая всё в густую тень и грозясь дождём.

– Может, зайдём в дом? – предложила девушка.

– Конечно, – охотно согласился Иван. – Да вот только... как же проклятье? – лукаво усмехнулся он.

– Пока дом не слишком активен. Обычно днём он никак себя не проявляет. А до вечера я успею отсюда убраться. Чего и вам от всей души советую сделать. Можете отдыхать днём, сколько угодно. Но ночью не оставайтесь.

– Сейчас так маме и скажу.

– Зря смеёшься. Но ничего. Это ненадолго.

Голос у Василисы был приятный. Мягкий, тонкий, как у птички. Благозвучный. Нежный, как колокольчик.

Лишь вернувшись обратно в дом, Иван понял, что на улице, хоть и май месяц, но прохладно. Слишком – если уж говорить о мае. И новенькая система отопления в доме, уже включенная, была как нельзя кстати.

– Чаю хочешь? – спросила Василиса.

– Разве не мне следует тебя угощать?

– Я в этом доме ориентируюсь лучше тебя, – отмахнулась девушка. – Это мой город. Ты здесь чужак. В другой реальности тётя Вероника всё отписала бы мне, потому что любила меня. Но в этой – дом ваш. Потому что их всех родственников вы ей были менее всего близки. Ей вас было не то, чтобы не жалко. Но если жертва неизбежна, кто-то должен ею стать.

Василиса ловко управлялась с чашками, какими-то травками, кипятком. Через несколько секунд перед Иваном стояла дымящаяся горячая чашка с долькой лимона. Из чашки пахло чем-то прохладным, вроде мяты.

– Ух, ты! Ты, случаем, не ведьма?

– Не знаю. Говорят, что в роду Власовых и такие есть.

– А в этом городке кроме Власовых о ком-то ещё говорят? – фыркнул Иван.

– Да. О Терентьевых. Они были его основателями.

– Основателями? Отцами? Круто! Почти как в американском сериале.

– Напрасно смеёшься. У каждой реки есть исток.

– Да в курсе я, кузина. В курсе. Не нужно вот этого тона ходячей энциклопедии.

– Почему? Я хочу поделиться с тобой своими знаниями об истории нашего города. С которой тесно связана и история нашего рода, между прочим.

– Большинство людей живут, ничего о своём роде не зная. И не горюют.

– Эх, Иван! Родства не помнящий.

– Когда ты чего-то не знаешь – ты за это ответственности не несёшь. А раз наш род проклят, значит, наверняка есть страшная история.

– Наверняка.

– И ты горишь желанием со мной поделиться?

– Угадал.

Василиса поднялась из-за стола, отодвинув от себя недопитую чашку. Подошла к старинному серванту и достала оттуда большой, пухлый альбом. Усевшись на диван, поманила к себе Ивана.

Он охотно повиновался. Какой парень откажется от того, чтобы придвинуться к хорошенькой девчонке?

– Вот он. Роман Гаврилович Терентьев. Участник и герой наполеоновских войн.

– Такой герой, что о нём никто не слышал?

– Слышали. Запомнили. Но в большую историю входят единицы. Самые именитые. А Роман Гаврилович был крепким середнячком. Это он построил ту церковь, что сегодня окружили погостом. И сам город образовался с его подачи.

«Город, – хмыкнул про себя Иван, – улица родная – пять домов и три доски».

– В описной книге помещичьих имений за Терентьевыми числилось 50 дворов, 200 крепостных, 50 дворовых людей. Семья Терентьевых разрасталась. Дети уходили из отеческого дома. Но их угодые «Большая Талинка», получившая своё название от произрастающего тут повсюду куста «тальник», по-прежнему оставалось их родовым гнездом.

А Власовы, как я уже говорила, были крепостными Терентьевых. Род наш по писцовым книгам можно было проследить вплоть до 1722 года. Сначала, как и большинство крестьян, жили тем, что земля пошлёт. Потом большинство мужчин в роду освоили ремесло, которое называлось тогда «прасолы». Родилась она от торговцев солью, отсюда и название.

Говорят, что перед тем, как Власовы богатеть начали, снюхались они с нечистой силой. Одна местная ведьма помогла провести древний ритуал. Договора.

– Договора? – недоверчиво хмыкнул Иван. – Типа, душу дьяволу продали? За тридцать сребреников?

– Нечистого в род пустили, – с привычной серьёзностью ответила Василиса. – По условиям Договора, Власовым во всём должны были сопутствовать удача, богатство, успех. Но вот что они в ответ пообещали? Можно только догадываться.

– Если это правда, то всё равно, живёшь ты в самом доме или нет, – резюмировал Иван. – Нечистый же тебя везде по крови учует. Получается, не в доме дело? Но меня вот до сих пор потусторонние силы не беспокоили. А тебя?

– Побеспокоят, не волнуйся, – мрачно заверила Василиса. – Это как вода – поднимается постепенно. Пятая ступенька сухой остаётся, пока предыдущие четыре полностью не затопит. А дом этот, как паук – сначала к себе притянет, а потом уж и жрать начинает. Но не всех и сразу. С перерывами, Иногда в десять-пятнадцать лет. Дождается, пока новое поколение, как новая поросль, подрастёт. Чтобы без пищи себя не оставить.

– Что ж получается? Мы для него как стадо тучных барашек? Или свиношек? – продолжал зубоскалить Иван.

Эти семейные истории-предания, весь этот фольклор в действии – звучит даже мило. Но, хоть Иван и не готов был признавать, серьёзной настрой Василисы не то, чтобы заставлял поверить, но невольно задумываешься: если триста лет в семье травят эти байки, то ведь что-то точно должно за ними стоять?

Как минимум, «тёмные» суеверные предки сами верили в эти сказки. И к ведьме страшной точно ходили. И страх перед чертями их мучил. Вместе с совестью.

– Ладно. Заключили они сделку. Дальше что было? – спросил Иван, пригубив чашку с остывающим чаем.

– Дальше всё пошло как по маслу – в гору. Выкармливали до необходимого веса, потом отправляли скот на убой. Забивали прямо у мясных рядов, на животинных бойницах. Мясо попадало на прилавки свежим. Дело не лёгким, не чистым не назовёшь. Но разбогатели настолько, что смогли выкупить у господ Терентьевых себе вольные. Подались в Москву. Все нажитые деньги вложили в покупку трёхэтажной торговой лавки. В конце 30-х годов 19 века Власовы занесены в московское купечество третьей гильдии.

Богатели. Дело вели исправно. Торговали. Долго жили одним патриархальным многочисленным семейством. А потом вдруг резко всё бросили, да и вернулись в родную деревню. Выкупили землю у бывших господ, Терентьевых. И усадьбу – выкупили.

Последний из Терентьевых продавать дом не хотел. Вышел скандал. В итоге, наш с тобой общий прадед ушёл с купчей, а Терентьев пустил себе пулю в лоб.

Что там между ними вышло, доподлинно не известно. Также, как и зачем прадеду усадьба эта понадобилась? Но симпатии местных оставались на стороне Терентьевых. А о нашем прадеде и вовсе страшные легенды до сих пор рассказывают.

– Что за легенды?

– У нас тут часто рассказывают, что Старый Купец, пытал в подвале провинившихся работников. Многие утверждают, что из подвала слышались стоны и дикие крики. Есть много страшилок о том, что Власов держал в подвале медведя, прикованного цепями. И скармливал ему неугодных. Что, якобы, даже Пушкин позаимствовал этот факт в своём рассказе.

– Если ты о «Дубровском», то он его написал в 1833. А наш прадед раньше 1900-го года жить никак не мог.

– Верно, – согласилась Василиса. – Все эти события незадолго до революции были.

– Возможно, забавы с медведями тогда были популярнее, чем мы думаем. Кстати, слышала о проклятом дворце Ольденбургских? Там похожие мотивы. Подвалы, убитые слухи,

крики. проклятие колдуна – ужас ужасный. Но на деле Ольденбургские были страстными охотниками, а в подвале просто зверей держали. Те вопили, время от времени. Местные страшилок навывдумывали. А тут такой повод – злодей-убивец отжал землю у истинного хозяина. Колдун, не иначе.

Василиса покачала головой:

– Я от своей бабушки, его родной дочери, слышала эту историю. Она мне врать не станет, зачем? Поначалу прадед хотел найти способ, как проклятие древнее с нашего рода снять и Договор этот расторгнуть. Заморских оккультизмов сюда привозил. С доской этой спиритической.

– Уиджа?

Василиса пожала плечами:

– Наверное.

– Помогло?

Она помотала головой:

– Нет. Стало гораздо хуже. Говорит, отец либо умом тронулся, либо (во что сама бабушка свято верила) одержим стал злым духом. Она рассказывала, что отец её вот прям совсем менялся. И когда это *некто* им овладевало, он становился другим человеком. Иной личностью.

– В современной психологии это называется диссипативным расстройством личности.

Василиса пропустила его слова мимо ушей, сделав вид, что не слышала:

– Бабушка рассказывала, что по началу её отец боролся с наваждением, как мог. В церковь ходил. Сначала просто молиться, а потом – на отчитку. Посты соблюдал. Паломничал. Да только всё без толку оказалось. И вторая, злая личность вытеснила первую. Она рассказывала, что отец успел всех детей отослать – кого учиться, кого служить. Но всех подальше от дома. И Христом-богам заклинал назад не под каким предлогом не возвращаться. И порог дома не переступать.

– Да! Скажу я тебе! Не повезло тебе со сказками на ночь. Мне «Чебурашку» и «Карлсона» читали.

– Твоя прабабка была родной сестрой моей. Мы с тобой четвероюродные, Иван. Четыре поколения сменили друг друга со времен нашего прапрадеда. Те, кто жили ближе к эпицентру событий, у кого хватило храбрости или безумия сюда вернуться, свою историю предпочли помнить. А сбежавшие – забыть. Закрывать глаза, отрицать. Но от того, что ты не знаешь о законе притяжения, действовать он не перестаёт. Верить в него или нет, шагнёшь с десятого этажа – превратишься всмятку.

– Ты о чём?

– Местные не врут, когда говорят, что Иван Власов занимался каннибализмом. Затаскивая прохожих в подвал этого дома. Вот про медведя – не знаю. А сам наш прапрадед ел человечину, Иван. Был ли он одержимым, был ли психом – факт остаётся фактом. Наш с тобой общий предок был канибалом. Помешенном на оккультных науках.

Иван, взяв себя в руки, захлопнул челюсть:

– Да ладно? Всё это сказки!

– У маньяков, которые убивают людей сотнями, тоже остаются дети. Проклятие падает до седьмого колена, Иван. А мы с тобой только четвёртое. Есть и другие Власовы, даже если фамилия у них иная, кровь всё равно алая. А кровь жертв не остыла. Счёт не закрыт. Одной из жертв прадеда была и наша с тобой прабабка. Говорят, она была очень доброй, любящей, светлой душой. Но это её не спасло. И любовь, которую он к ней питал, её не спасла.

– Ну, нафиг! – потрясённо выдохнул Иван, отодвигая от себя чашку. – Правду говорят, что меньше знаешь, крепче спишь. Если смотреть на историю в таком ключе, и правда лучше поверить в одержимость. Ужас какой! Сколько детей было у этого монстра?

– Пятеро. Из тех, что выжили. А всего Авдотья Ивану девятерых родила. Старшим был сын. И четыре дочери.

– Наш прапрадед был местным Фредди Крюгером?

– Вроде того, – грустно кивнула Василиса.

Иван взлохматил волосы, забравшись в них всей пятернёй:

– Ну и дела! Эта история страшнее призраков и демонов будет. Осознавать, что связан с таким типом узами крови...

– То ещё удовольствие, – с улыбкой кивнула Василиса. – Я понимаю. Сама с этим живу.

– И как же к вам тут относятся?

– Кто-то привык, кто-то не знает, что мы связаны с этим местом, кто-то вообще не в курсе старой истории. Однако всё равно случается, нет-нет, да и зашипят в спину – «проклятые».

Вошедшие в гостиную родители заставили молодёжь прервать разговор.

– А! Вижу, дочка, успела с новым наследником познакомиться? – Макс очередным неуверенным нервным жестом поправил очки. – Решила, всё-таки, зайти в дом? Ольга, Сергей, знакомьтесь – это моя дочь, Василиса.

– Очень приятно, – радостно заулыбалась мать. – Она у вас с Леной настоящая красавица, Макс!

– В мать – красавица, в меня – умница. Удалась девица.

– Вижу, вы подружились? – улыбнулся отец Ивану. – Чаем девушку угощаешь?

– Скорее уж, она меня.

«И не только чаем», – с досадой подумал Иван про себя.

– Горячий ещё? – поинтересовался отец. – На нас хватит?

– Да. Хватит, – кивнула Василиса.

– Отлично! Пока по саду гуляли, что-то продрогли немного. Кажется, вот-вот дождь начнётся?

– Для мая погода не очень, – вздохнула Ольга.

– Ничего страшного. Здесь всё равно теплее, чем в городской квартире без отопления.

– Мам, пап, мы поднимемся ко мне в комнату? Поболтаем ещё немного с кухней? Пойдём? – пользуясь случаем, Иван по-хозяйски забросил руку на плечи девушки. – У меня с собой есть пару интересных дисков. Поиграем?

Василиса мягко отстранилась.

– Давайте, как-нибудь в другой раз? – натянуто улыбнулся Макс, в очередной раз поправляя очки, и без того идеально сидящие на его узкой переносице. – Мы лучше поедem, пока дождь не начался. А вы тут обживайтесь.

– Макс, это не вежливо, – запротестовала мать. – Хотя бы чай с нами выпей?

Иван поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется расставаться с гостями и оставаться в одиночестве в этом доме, который после рассказов Василисы стал и впрямь казаться очень мрачным.

– Давайте лучше в другой раз? Нам правда пора идти. Уже скоро темнеть начнёт. Мы к вам завтра заедем, – пообещал Макс.

– Непременно заезжайте. И Лену с собой привози. Буду рада возобновить старое знакомство, – зашебетала мать.

– Приезжайте. Пожарим шашлыка на новоселье, – вторил отец.

Макс улыбнулся. Ивану его улыбка показалась какой-то заискивающей, словно извиняющейся.

– Хорошо. Я позвоню вам. Сообщу о наших планах. Пойдём, Василис.

Все Власовы вышли на крыльцо.

– Эй? – тихо позвал Иван новообретённую родственницу. – Дай на минутку телефон?

– Зачем?

Наткнувшись на его насмешливый взгляд, Василиса вложила в руку Ивана сотовой. Тот быстро набрал свой номер и нажал кнопку вызова. На его телефоне высветился теперь и её номер.

– На случай, если призраки напугают меня до усрачки, я буду звонить тебя, как в «скорую помощь», ок? Если не ок, то всё равно буду. Больше-то не куда? – засмеялся Иван, возвращая девушке телефон.

Василиса смотрела на него широко распахнуты глазами. Мягкими, бархатисто-карими, как сладкий шоколад.

– Если услышишь их – не слушай. Используй наушники. А если увидишь...

– То не смотри. Я понял. И сразу же позвоню. Кстати, если призраков не будет – мы ведь всё равно можем увидеться? Если родаки решат вместе жарить шашлыки, то всё само собой устроится. А если нет? Может, покажешь мне свой город? И ещё чего интересного расскажешь?

– Может быть, – сказала она.

По-прежнему без тени улыбки.

– До скорого, – махнула девушка рукой.

И Иван помахал в ответ.

Глава 3. Подвал

С уходом родственников это место словно ещё больше опустело. Хотя, почему это – «словно»? Разве здесь пусто?

Иван поднялся в комнату, в которой решил обосноваться во время своего здесь пребывания, подошёл к окну. Сад выглядел серым и пасмурным. Листочки ещё были слишком нежными и мелкими. Они лёгкой дымкой окружали серые стволы. Всюду пока ещё царил серый цвет.

Ну, то есть Иван надеялся, что – пока.

Неясная тревога поселилась в его сердце.

«Если услышишь их – не слушай», – эхом раздался в его голове голос девушки.

Наговорила страшилок воз и маленькую тележку. И свалила. А ему торчи в этом скуке и переваривай услышанное. А ночью, чего доброго, под одеяло с головой ползет. Как маленький. Смешно, честное слово.

Хотя если его предок и правда был маньяком, замочившем в этом месте кучу народу?.. При одной только мысли об этом становилось не по себе.

Небо нахлобучивалось, нахлобучивалось и, наконец-то пролилось дождём. Казалось, что осень неожиданно для всех взяла, да и поменялась местами с законной владелицей. И в ближайшее время уступать свои права никому не собирается.

Иван стоял, нахмурясь и глядел в глубину длинного сада. В этот момент он казался ему мрачным и безрадостным. В пору поверить, что существование дементоров вовсе не выдумка – это раз. И что дементоры свили гнездо неподалёку.

Экран телефона вспыхнул, высвечивая знакомый номер. Кирюха звонит. Пятый раз, судя по пропущенным.

– Эй! Ты куда пропал-то? До тебя не докричишься. Проще в Кремль попасть, – судя по весёлому и не слишком внятному голосу, «нагулялся» друг уже прилично.

– Да я тут с новой роднёй знакомился.

– И что? Старых друзей теперь можно игнорировать, что ли? Как ты там выживаешь?

– Пока живой.

– Сочувствую. А у нас тут весело.

– Рад за тебя.

– Кстати, Марго тут рядом. Дать ей трубу?

– Не надо.

– Что?..

– Не надо, говорю. Зачем?

– Ну, скажешь ей что-нибудь.

За голосом Кирюхи фоном звучали ритмичная музыка и чей-то смех.

– Да нечего мне ей пока сказать. Ты чего звонишь-то?

– Как – чего? У меня друг от скуки погибает. Поддержать тебя хочу.

– Спасибо, братан. Я тут держусь. Даже вот придумал себе развлечение.

– Да?

– Ты там тоже держись. Не налегай на спиртягу. Без меня за тобой следить не кому. Так что – будь умницей.

– Лады. Марго что-нибудь передать.

– Привет. Желаю ей повеселиться.

– Передам.

– Ну, бывай чувак.

– И тебе – не хворать.

Экран погас. Голос, музыка – весь жизненный поток словно отрезало разом. Иван остался стоять внутри большого дома, чувствуя себя проглоченной чудовищем букашкой. Не было ни одного из привычных шумов городской жизни. Не шуршали шины, не кричали дети – тихо, как в гробу.

Удивительное дело, в городе так устаёшь от людей, а вот стоит уединиться, и пустое пространство начинает тяготить.

Поняв, что заскучал, Иван решил спуститься вниз. Он жалел о том, что не спросил у Василисы о том, где находится вход в подвал. Хотя что-то подсказывало ему, что девушка попыталась бы его отговорить от этого похода.

«Тётю Веру нашли мёртвой в подвале»

«Твоего деда нашли мёртвым в подвале», – услышал от тонкий, тихий голосок девушки, раздавшийся в его памяти.

«Не ходи в подвал».

Ну, а чем ещё прикажите заниматься на краю света, да ещё в такой ливень. Можно, конечно, ужастики посмотреть. Но участвовать в них онлайн гораздо интереснее.

Родители о чём-то мирно и весело щебетали на кухне. В комнате было вполне уютно, несмотря на сумерки. Тёплые островки света дрожали вокруг оранжевых абажуров настольных ламп.

– Ты чего? – обернулся отец.

– Пап, ты знаешь, где тут вход в подвал?

– А тебе туда зачем? – насторожилась мать.

– Да так, незачем. Просто полазить хочу. Здесь, наверху, после переделок, всё выглядит новеньким, а мне хочется ощутить время, связь с историей, так сказать. Скучно, мне, короче.

– Да зачем тебе туда? Что ты там забыл? Вот, всегда выдумаешь какую-нибудь ерунду! Ну, честно слово, Вань! Что тебе спокойно-то не живётся?

Отец засмеялся:

– Да пусть полазит. Молодёжь любит всякие заброски. А тут всё прямо под боком, не выходя из дома.

Заметив, как побледнела жена, Сергей вопросительно развёл руками:

– Оль, ну, ты чего? Он же не на гулянку до полуночи отпрашивается, а хочет спуститься в подвал, в собственном доме? Где проблема?

«Проблема в том, что её отец умер в этом подвале. И – тётка. Недавно», – подумал Иван.

Подробности о смерти их предшественницы мать могла не знать, а вот про смерть собственного отца знала наверняка больше сына.

– Не стоит туда ходить, – нахмурилась мать, скрещивая руки на груди.

Похожим с Василисой жестом, кстати.

– Да почему? – не унимался отец.

– Потому, что... – мать явно нервничала, стараясь подобрать убедительные слова, – потому, что там, наверняка, всякий хлам. И не проветривалось лет сто! В подвалах и погребах могут скапливаться всякие газы, они могут быть токсичны.

– Ты сама себя слышишь, Оль? Какие газы? В погребе он может скапливаться только в том случае, если в нём хранят овощи в большом количестве. От гниения при плохой вытяжке токсины скапливаются, да. Но тут-то какие овощи могут быть? На вот, сын, держи!

Отец снял со стены большой ключ, старинный и витой. Чем-то напоминающий тот, что изображают на книжке о приключениях Буратино:

– Держи. Давай – вперёд за приключениями.

– Сергей, ты считаешь это разумным? – в голосе матери слышалась искренняя тревога.

– Да. Это куда разумнее, чем заставлять парня изнывать от скуки. Ну, посуди сама, что сейчас ему делать? По-твоему, будет лучше, если он тайком в город потащится?

– Кто его отпустит?

– А он и спрашивать не станет. Окна-то низко. Это тебе не дома – седьмой этаж.

Иван хмыкнул. Отец отлично его знал. Именно эта мысль – удрать тайком в город, улучив момент, когда родители либо отвлекутся, либо лягут спать, мелькала в его голову перед тем, как он решил пойти на экскурсию в подвал.

Мать вздохнула, сдаваясь и признавая правоту мужа.

– Там свет есть? – спросил Иван.

– А я знаю? – пожал отец плечами. – На всякий случай возьми ручной фонарик. Надеюсь, что ты скоро заскучаешь.

– Я к ужину хочу приготовить мясо-по-французски.

– Отлично, – улыбнулся Иван, беря ключ из рук отца. – Где дверь?

– Придётся выйти во двор, – ехидно улыбаясь, радостно сообщил отец. – Вход со двора.

Но это переживаемо. Подвал – не те удобства, которые обязательно прямо дома. Мимо не пройдёшь.

Взяв большой зонт-трость, стоявший в прихожей бог весть сколько времени, Иван бесстрашно шагнул во двор, под косые струи хлещущего дождя.

Какое-то время он двигался вдоль стены. Пока не приметил лестницу, ведущую вниз, к большой, новенькой, металлической двери. К ней спускалась каменная лестница, длинной в стандартный пролёт. То есть, цокольный этаж был прилично так заглублен.

Ведомый азартом первооткрывателя, Иван спустился по скользким от воды ступенькам вниз. Вставил в замочную скважину волшебный «золотой ключик». Замок с лёгким скрежетом повернулся, поддаваясь.

Иван толкнул перед собой дверь.

Первым, на что упал его взгляд, была широкая лестница, сбегаящая вниз. Невозможно было не удивиться её размерам. Вместо обычной узкой, какие ведут в старые, затхлые подвалы – почти парадная и широкая. Нижние ступеньки тонули в темноте, но смертельных хладом или трупным запахом не тянуло.

Ничего зловещего.

За спиной монотонно стучал дождик, напоминая скучный, простенький аккомпанемент. Такой незатейливый, успокаивающий мотивчик.

«Думаешь, хорошая идея спуститься туда, где уже нашли два трупа?», – зловещим шёпотом прошептал один из внутренних голосов, отвечающий за осторожную часть личности.

«Совсем с ума сошёл? Неужели ты правда готов поверить, что в подвалах притаился монстр? Ты идиот или трус?» – возразил второй.

Мысль о трусости Ивану не понравилась. Нажав кнопку фонарика, он осветил им вглубь лестничного тоннеля.

Луч света был широким и резким. Он выкрадывал у темноты выбеленную стену и аркой возвышающийся потолочный свод.

Шагнув на площадку перед лестницей, Иван нащупал рукой выключатель и теперь уже всё пространство озарилось холодным светом. Осталось только спуститься вниз и – разочароваться. Из интересного только купольный потолок, сводом арок опускающийся на стены – как в храме. Всё пространство было чисто выбеленным: потолок, стены, пол – всё белое. Широта и простор со всех сторон.

Подвал был идеально чист. Просматривался насквозь с центра во все стороны. Смотреть было, собственно, не на что. Стены – потолок – стены.

И звук дождя сверху, долетающий в оставленную сверху нараспашку открытую дверь.

Иван медленно подошёл и коснулся одной из стен. Вблизи стало видно, что кирпичи в кладке старинные. Форма, способ кладки – все отличалось от новодела. Но и в этом ничего любопытного он не нашёл.

Почему люди вообще боятся подвалов? Откуда эти иррациональные страхи? Может, подсознание как-то связывает между собой подвалы и могилы? Случайно ли наша бессознательная часть относит подземелье к смертельным опасностям? В подвальном мраке скапливается мусор, живут крысы и мыши, проникают бомжи и больные кошки...

Но конкретно здесь ничего подобного не было – даже намёка. Даже запаха сырости с плесенью, обычно обитающего во всех подвалах, в которых удалось побывать ранее Ивану, не было. Сухой и светлый, больше похожий на амбар или какой-то склад. Возможно, в те годы, когда до строился, здесь располагалась лавка? Потому и вытяжка работала исправно? Или всё дело в недавнем ремонте?

В этот момент внимание Ивана привлекла дверь, утопленная в дальнем углу стены. Ведомый любопытством, он приблизился, подсвечивая фонариком, чтобы лучше видеть – всё-таки освещения не хватало. Несколько ламп холодного накаливания не могли полностью разогнать мрак.

Дверь оказалась из толстого металла. Закрытая намертво. Косяк усилен стальными швеллерами. По контуру – резиновый уплотнитель, обеспечивающий закрытие без зазоров. Дверной ручки нет. Лишь небольшая узкая замочная скважина.

Иван с недоумением смотрел на странное сооружение. Подобную дверь целесообразно было бы ставить, чтобы закрыть какую-нибудь шахту – с гарантией, что разные глупые личности не станут соваться. Но зачем столько усилий в простом доме? Куда ведёт эта дверь?

Он взглянул на небольшую связку ключей, отданных ему отцом. С первого взгляда ни один ключ к разьёму не подходил. Но такого просто не могло быть. Если следовать логике вещей, вместе с домом хозяева получают ключ от всех дверей. Наверняка отмычка на связке.

Увлечённый Иван стал подбирать нужную. Благо, на связке ключей было немного. И четвёртый, плоский, узкий, небольшого размера, вошёл в отверстие идеально. Правда провернуть его Иван не успел.

Сердце его сначала взволнованно затрепетало, когда Иван понял, что одну задачу он решил и сейчас сделает шаг вперёд, как в следующее мгновение с треском закрылась дверь наверху. И, должно быть, от сильного удара двери, погас свет. Всё в одно мгновение заволкло беспроглядной темнотой, какая бывает только в подземельях, куда из дневного мира не могут пробиться солнечные лучи.

Никогда в жизни Иван не испытывал приступа панической атаки. Они повстречались впервые. Страх, подобно хищнику, прыгнул и поглотил.

Судорожно он выдернул ключи из двери, с силой зажимая их в кулаке. Вместо связных мыслей в голове лишь обрывки ярких образов – он теряет ключ, поднимается вверх, дверь захлопнулась, и он в ловушке!

Сердце колотилось к груди отбойным молотком. Но уже через секунду Иван попытался взять себя в руки. Он что – ребёнок? Истеричная девица? Он почти взрослый мужик! А взрослый мужик, который боится темноты – зрелище жалкое.

Хотя, вот сейчас, если честно, он бы, лично, предпочёл был нечто осязаемое. Драку, огонь, реку – что угодно, но осязаемое и... видимое.

«Опасности-то нет, – убеждал он себя мысленно. – Сейчас достану фонарик, найду лестницу, выйду и останется только посмеиваться над собой».

Но отчего-то зажигать фонарик было... страшно! Иван и сам не мог бы ответить на вопрос, чего страшится больше – того, что фонарик вовсе не загорится? Или того, что он мог увидеть, когда – загорится? И то, и другое было маловероятно, но пугало, мать твою, до усрачки!

Психика продолжала пошаливать.

Мерещилось, что нечто тёмное – темнее самого мрака, много темнее, – шевелится по углам, как водоросли в воде. Силиться отпочковаться, дотянуться до кого-то живого. Тянет, тянет длинные руки с мучнистыми пальцами, по форме напоминающие лапки мохнатого паука. Лысые длинные головы, растянутые рты – кто-то, служившей моделью для создания картины «Крик» Эдварда Мунка, давным-давно поселился в этом подвале. И год за годом терпеливо ждёт новую жертву.

И теперь вот пришла очередь Ивана...

Собрав волю в кулак (нет, ну вот действительно – чего бояться), парень нажал на кнопку. Тот вспыхнул ярко, резко и победно, но Ивану чуть плохо не стало – краем глаза он уловил *реальное* движение. Что-то крупное и в свете фонарика правда мучнисто-белое, шарахнулось в угол.

Иван направил свет фонарика следом, но успел поймать только пыльное облако, оставшееся висеть в воздухе. Это продолжалось несколько секунд. Ровно до того, как фонарик начал мигать, а свет, бивший уверенным ярким столбом, таять.

Импulsiveвно, поддаваясь инстинкту самосохранения, Иван нащупал тающим светом направление к лестнице и рванулся туда же.

Всего несколько секунд.

Раз.

Два.

Три.

Он как раз успел добежать до лестницы. Пальцы его схватились за поручень, как утопающий за спасательный круг. Слава богу, что он успел это сделать! Потому что, как только фонарик гаснет, в окутавшем его мраке Иван теряет направление.

Вернее, потерял бы, не держись так крепко за перила. Но он держится и поднимается вверх, так торопливо, как позволяет осторожность. Опасаясь споткнуться и скатиться вниз, к тем, чей насмешливый взгляд ощущает спиной, по которой от страха бегают мурашки величиной со слона.

Они смотрят ему вслед. Плотно и мстительно. Их руки беспомощно (пока – беспомощно) тянутся ему вслед. Твари зло скребут бетонный пол.

Воздух становится настолько тяжёлым, что Ивану почти нечем дышать. И в тот момент, когда ему кажется, что от нехватки воздуха готов потерять сознание, он, всем телом навалившись на дверь, распаивает её настежь. И оказывается на ветру, под хлещущем ливнем, с ощущением, что спасся.

Свежий прохладный воздух наполняет лёгкие, а сердце переполняется ликующим чувством победы и небывалым облегчением. Иван заставляет себя обернуться. Посмотреть на то, что осталось за спиной. Взглянуть в пугающую бездну за спиной.

– Эй, Вань? – доносится до него голос отца. – Ты в порядке?

Отец стоит дождевике и встревоженно смотрит на сына.

– Я?.. Что-то случилось? Внезапно погас свет.

– Да. Гроза. Видимо, пробки выбило. А ты чего сразу-то не вышел? Что там во тьме рассматривать? – в голосе отца слышалась лёгкая тревога и осуждение.

– Да фонарик тоже погас. Странно, да?

Теперь, когда отец был рядом, Иван почувствовал себя спокойнее. И смог заставить себя посмотреть вниз. Но он уже знал, что ничего не увидит.

– Свет выключить не забудь, – говорит отец. – Чтобы не возвращаться и не выключать, когда дадут свет.

Глава 4. Сон

Сидя на чистой кухне, ещё утром показавшейся вполне стильной, Иван никак не мог отделаться от пережитого ужаса. Родители, всегда чутко воспринимающие настроение и сына, и друг друга, оба как-то сразу притихли. А может быть, дело в том, что атмосфера дома и на них давила. Была она мрачная. Будто весь дом – подвал. И работающие радиаторы отопления не могли прогнать из этих стен холод, как светлые стены – мрак.

– Тебе понравилась Василиса? – Иван видел, как мама старается казаться весёлой и беззаботной. – Вы поладили?

– Вполне, – кивнул он.

– А мы с мамой опасались, что после своих московских подружек ты сочтёшь её скучной, – шутивным тоном проговорил отец.

– Сейчас, если у тебя есть мозги, без разницы где жить. Информация, благодаря интернету, для всех доступна. Это раньше в провинции люди были серенькие.

– Ну, парни в твоём возрасте, сынок, на девушек не из-за ума западают? – хихикнула мать.

Иван мрачно пожал плечами.

– Мы поладили. Приятно познакомься с хорошенькой, смышлёной родственницей. Но ты никогда раньше не рассказывала о своей родне, мам. Надеюсь, между нами нет никаких скрытых фамильных «вендетт»?

– Ты о чём? – удивлённо взглянула она на него.

– Ну, всё-таки вся земля, и недвижимость вдруг достаётся нам? Может, в прошлом что-то делили? Скрывали? Прятали? Почему мы не общались? Какая причина?

– Да нет никакой причины, – отмахнулась она. – Просто так сложилась. Когда я была маленькой, мы с мамой, папой и бабушкой проводили тут почти каждое лето. Места, сами видели, какие живописные. Хотя бабуля не очень любила сюда ездить, из-за каких-то старых суеверий.

– Что за суеверия?

– Да, какая-то мрачная байка о фамильном проклятии. Мол, сама земля проклята. Из-за каких-то там древних славянских языческих обрядов, которые, якобы, проводили здесь волхвы. А потом, якобы, наши предки каким-то образом пробудили что-то очень тёмное и теперь оно преследует всех наследников рода. Толком никто ничего при нас, детях, не рассказывал. Так, всякие отголоски. Но я никогда ничего мрачного не замечала. Бывало, нагоняешься день-деньской, напьёшься свежего парного молока – мы его у соседней покупали. И спишь всю ночь, как младенец. Ничего сверхъестественного я никогда не видела и не чувствовала. Напротив, воспоминания об этом доме – лучшие воспоминания из детства. Всё такое солнечное, яркое.

– А почему ездить-то тогда перестали?

– После смерти папы. Бабушка тогда очень горевала. Говорила, что во всём виноват проклятый дом. Она была категорически против того, чтобы мы сюда даже проездом, заезжали. Ну, и после папиной смерти нас никто, вроде как, и не приглашал. Ниточка, что связывала нас с этой землёй, через него проходила.

– А как умер дедушка?

– Неожиданно. От сердечного приступа. Он тогда и правда один в доме остался. Осень была поздняя. Какие-то дела хотел уладить. Когда он не вернулся, как обещал, мама с бабушкой поехали за ним. А потом, всё, что помню – это горе. Много мы тогда плакали. Тридцать три года не тот возраст, когда вдовеешь. И отец ведь никогда на сердце не жаловался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.